

чикъ, мы вмѣстѣ жили, дакъ теперь судьба моя пришла, нать проститься съ мѣшочкомъ.

Царь велѣлъ принести мѣшочекъ.

— Ваше Царско Величество! позвольте мнѣ желѣзо перебрать по-штучки, проститься съ каждой желѣзинкой, я это скоро сдѣлаю.

Онъ покуда перебираетъ, а самъ свое дѣло дѣлать, винтитъ только. Свинтилъ коня да-и сѣлъ на него.

— Прощайте, Ваше Царско Величество! Вотъ те и ви-сѣльца, только и видѣли. Улетѣлъ на кони, да въ эту башню, захватилъ царевну да и только живаль-бываль, улетѣлъ на своемъ коні. И прибылъ въ свое государство.

Тогда этихъ мастеровъ и выпустили изъ темницы. Царевичъ женился на этой дѣвушки, а сзадѣ отецъ ее прибылъ въ то государство въ погону; а дочь повѣнчаласе ужъ: взять нечего. Такъ и стали тѣ жить да поживать да добра наживать.

Онежскій у., Шелековский приходъ Савинской вол.

Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко“), 1912 годъ.

11. Иванъ Покати-Горохъ.

Вотъ былъ-жилъ царь. У царя было два сына; эти сыновья ходили въ училище и выучились ужъ.

— Татенька и маменька, позвольте намъ погулять съ сестрицей.

— Дѣточки, говоритъ, гуляйте, а только сестры не потеряйте.

Марья у нихъ сестра была, Марья-краса-руса-коса.

Они ходили да были, да сестрицу и потеряли. Пришли домой.

— Татенька и маменька, потеряли мы сестрицу, сами не знаемъ гдѣ.

— Ну, дѣточки, когда потеряли, то и ищите, а когда не найдите, то смерть вамъ тоже.

Матка у нихъ была беременна ишке, царица.

Они и отправились въ путь дорогу. Отецъ имъ далъ по потрету сестры: по потрету-то найдутъ, а такъ гдѣ ужъ!

А у этой царицы родился сынъ; Иванъ-Покати-Горохъ нарекли имя ему.

Идутъ братья путёмъ-дорогой и подходятъ: домъ стоитъ огромной-приогромной. Дѣвушка въ окошко глядитъ. Они и остановились у этого дома.

— Что вы, молодцы, говорить, смотрите долго?

Они ей сказали.

— Сестрица? Не ты ли есь Марья-краса-руса-коса?

— Я и есь. Охъ вы, брателки, вы на смерточку идете сюда.

— Намъ, сестрица, одна смерть: отъ отца наказано, если тебя не найдемъ, такъ одна смерть посулена.

Заходить въ фатеру,—пришли, такъ ужъ дѣлать нечего.

Зашли они въ фатеру, Богу помолились, на всѣ на четыре стороны поклонились, сестры въ особнину. Она ихъ напоила, накормила и за печку спровадила въ скрытно мѣсто.

Вдругъ летитъ Воронъ Воронóвичъ, сѣлъ на потокъ, съ боку на бокъ фатера заходила. Бѣжить въ фатеру — ступня за ступню загибается. Зашолъ въ фатеру.

— Фу, фу, рускій духъ пахнѣтъ!

Она говоритъ ему:

— По Рूसи налетался, руського духа нахвтался, по тому и руськой духъ пахнѣтъ.

— Нѣтъ, не оманывай, говоритъ, я слышу: шурьяки въ гостяхъ есь. Шурьяки, выходите.

Шурьяки вышли, сичасъ обѣхъ убилъ и въ подвалъ опустилъ и закопалъ, наспиртовалъ, чтобы, какъ живые.

— Если, говоритъ, тебѣ скусьно будетъ, посмотри: все равно, что живые братья.

Вотъ онъ поутру всталъ да-й улетѣлъ, леталъ съ утра и до вечера, прилетѣлъ домой опять, на потокъ сѣлъ. Съ боку на бокъ опять фатера заходила; по ступнямъ опять идетъ,—ступень за ступень загибается. Вотъ пришолъ.

— Что-то усталъ... Вотъ поишшы-ко вшей! жонки сказалъ.

— Ахъ, Воронъ Воронóвичъ! Я сколько годовъ у тебя живу, а ты мнѣ ничего не сказываешь, гдѣ ходишь, гдѣ воюешь да куда летаешь-да.

— Что тебѣ сказывать, мнѣ на роду и смерть не писана, никого и не боюсь. Когда, говоритъ, родится у твоей матери сынъ Иванъ-Покати-Горохъ, тогда мнѣ и смерть будетъ.

Вздитъ опять, воюетъ съ тотарамъ.

А Иванъ-Покати-Горохъ все растётъ, не по годамъ, а по часамъ и по минутамъ, въ училищѣ ходитъ.

Пошолъ разъ изъ училища, бабушки-задворенки въ околенку кинулъ. Бабка выскочила и заплакала.

— Ахъ ты, Иванушка, у тебя росло два брата, а третья сестра,—меня никогда не беспокоили.

Вотъ онъ и цобѣжалъ домой; прибѣгаетъ домой, обскаживаетъ отцу:

— Татенька и маменька, неужоли же у насъ было два брата, а третья сестрица?

Тѣ сказали.

— Были, доброхотъ, да ушли; не знаемъ, гдѣ ходятъ.

— Татенька и маменька, позвольте, я тоже пойду искать ихъ.

Вотъ онъ взялъ благословеніе и отправляется въ путь дорожку широку. Дали ему родители потретъ сестры.

Доходитъ Иванъ-Покати-Горохъ до избушки. Видитъ, дѣвушка смотритъ въ окно. Глядитъ на патретъ и на сестру.

— Не ты ли, сестрица Марья-краса-руса-коса?

— Да я, говоритъ. Охъ, брателко, на смерточку ты идешь.

— Ахъ, сестрица, какая смерть, сказала ты?

Заходитъ въ фатеру, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, сестры въ особину. Сестра его напоила, накормила и пехаетъ въ скрытно мѣсто.

— Что ты меня пехаешь въ скрытно мѣсто? Я не воръ, не разбойникъ, я пришолъ не воровать, а въ гости.

— Тише, тише, брателко, не разговаривай грубо.

— Что тише, тише, чего я стану стѣсняться.

Вдругъ Воронъ Воронѣвичъ прилетѣлъ, на порокъ сѣлъ, съ боку на бокъ фатера заходила. И сказалъ Иванъ-Царевичъ:

— Охъ, какой парень пріѣхалъ тяжелой.

Воронъ Воронѣвичъ зашолъ въ фатеру.

— О, говорить, шуринъ въ гостяхъ есь.

— Да есь.

— Давай, шуринокъ, поздороваемсе.

Стали здороваться, другъ дружку руку дали, изъ поготъ только кровь пошла у того и у другого. Сичасъ Воронъ скамандавалъ:

— Малый-по-малому! Неси полтора ведра вина и полтора пуда закусокъ.

— Сечасъ.

— Ну, шуринъ, пей.

— Нѣтъ, говорить, хозяинъ перво пьетъ, а шуринъ послѣе.

Воронъ бралъ единой рукой полтора ведра, выпивалъ на единый духъ. Выпилъ и скамандовалъ:

— Малый-по-малому! Неси опять полтора ведра вина и полтора пуда закусокъ.

Шуринъ бралъ это единой рукой, выпивалъ на единый духъ.

— Благодаримъ, зять, угостилъ хорошо.

— Ахъ, шуринъ, я тебя задавлю.

— Какой ты боець! Въ фатеры задавить можно, какъ кошку, въ фатеры развѣ давятъ? Богатыри съъзжаются на чистомъ поли, а тутъ што.

Ночь проспали, поутру Воронъ всталъ и полетатъ на войну.

— Ну, говорить, шуринъ, вотъ тебѣ ключи, всюду ходи, а не ходи только въ первую конюшню, а во верхнемъ этажу въ задню комлату.

Воронъ улетѣлъ на войну, тотъ и остался шуринокъ.

— Чтоже, говорить, сказалъ „Не ходи въ передню конюшню и задню горницу, что такое значить, кака причина эка? Сичасъ отложу“.

Пришолъ въ конюшню. Въ конюшни стоитъ добрый конь да лѣвъ-звѣрь. Льву надавано сѣна, а коню мяса.

— Это что тако значить, что за причина? Станетъ ли конь мясо ись, а лѣвъ-звѣрь сѣно?

Возьметъ да и переложитъ кормъ-отъ этотъ самый. Льву, значить, мясо, а коню сѣно, и пошолъ въ задню комлату. Сичасъ комлату отложилъ. Только отложилъ, двери какъ раскрылъ да-и вылетѣли двѣ дѣвушки, и поминай какъ звали!

— Ахти мнѣ, что теперь дѣлать, что скажетъ хозяинъ!
И давай бѣжать домою, къ старушки, матки Вороновой,
и въ ноги палъ.

— Бабушка, прости такая-этакая!

И ноги у ней сталъ жать. Ей терпѣнья нѣтъ.

— Что, дуракъ, сдѣлалъ ты такое?

— Ахъ, бабушка! такъ и такъ, дѣлать ничего, прости
меня Бога ради!

— Ну что же дѣлать, прошшу.

Простила его, значить.

Вдругъ летитъ Воронъ Воронѡвичъ. Сѣлъ на потокъ,
съ боку на бокъ фатера заходила. Входитъ въ фатеру, а
Иванушко ему въ ноги.

— Такъ и такъ, прости!

— Ахъ, дуракъ, разбойникъ! Сичасъ тебѣ голова долой.

Старуха скрычала:

— Я, доброхотъ, ёго простила, и ты прости!

Такъ опять ночь проспали, поутру встали, позавтракали.
Опять и отправляется Воронъ Воронѡвичъ на войну.

— Зять, говоритъ Иванъ-Покати-Горохъ, возьми меня
посмотрѣть, какъ ты воюешь.

— Куда, говоритъ, тебя взять! Ты съ татарского визгу
пропадешь. Пожалуй, пойдемъ.

Вотъ вышли изъ фатеры. Воронъ садится на своего
коня.

— Ну, шуринъ, тебѣ какой конь?

— Да въ конюшни стоять.

— Охъ ты, говоритъ, за какого берессе! Да я его самъ
боюсь. Оттого и кормлю его мясомъ, что самъ не могу вла-
дать тѣмъ конемъ.

— Дакъ что же, мнѣ пѣшкомъ итти за тобой, что ли?

— Ну, ступай, веди, когда можешь совладать.

— Дѣлать нечего, говорить, ужъ.

Бралъ уздицу тесьмяную, сѣдлышко церькаськое и
подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолоковыхъ и садился
на своего добраго коня, бралъ все доспѣхи богатырскіе на
себя. Зять скамандовалъ:

— Давай ко, шуринъ, сражаться.

Развѣхались на двѣнадцать попрещевъ лошадиныхъ,
сѣхались на копыя. Копыя лопнули, все равно какъ силь-

ный громъ грянулъ. Съѣхались на сабли; и сабли лопнули у ихъ у обѣхъ. Сичасъ зять скамандоваль:

— Брось, шуринъ, не стоитъ борьбы это мѣсто.

Вотъ они и поѣхали впередъ. Ёдутъ близко-далѣко и доѣзжаютъ,—ратъ-сила великая.

— Ну, шуринъ, ты этта постой, посмотри, я буду камандовать какъ.

Воронъ и поѣхаль. Какъ пустится въ котору сторону, улица лежитъ пустая, а въ другую махнетъ—переулочекъ, просторство одно.

Шуринъ смотрѣлъ на него и говоритъ:

— Хорошо помахивать, и сколько не валить, сколько не бѣть, а двоёмъ прибываетъ.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ и удивился:

— Что это за штука такая!

Вотъ онъ и поѣхаль кругомъ этой силы: откуль прибывать-то, любопытно. Доѣзжаетъ до кузницы. Кузнецы куять; что молоткомъ хлопнетъ кузнецъ, то и салдаты бѣжить на войну.

— Богъ помочь, мастѣра. Аминь вашей работѣ.

Они ему сказали:

— Спасибо, добрый человѣкъ, ослобонилъ насъ на вѣки.

Опять до другой фатеры доѣзжаетъ. Опять кузнецы куять тутъ. Что молоткомъ хлопнуть, то и ундеръ-офицеръ.

— Богъ помочь, мастѣра. Аминь вашей работѣ.

— Спасибо, говорятъ ему, добрый человѣкъ, что ослобонилъ насъ.

До третьей комлаты доѣзжаетъ. Сидятъ дѣвушки, въ пѣлахъ шьютъ. Что иглой ткнуть, то и господинъ бѣжить, офицеръ тамъ или генералъ,—и на войну готовъ.

— Богъ помочь, красны дѣвицы. Аминь вашей работѣ!

— Спасибо, добрый человѣкъ, что запретилъ нашу работу, а то бы вѣкъ вышивать, Ворону не перебить было.

А Воронъ уже всѣхъ прибилъ, всѣхъ претеребилъ, не одинъ не прискакивать: всѣ запрещшоны, а то бы ему на вѣкъ хватило. Выѣхаль Воронъ въ чисто поле, обрадѣлъ и катается, все ровно, какъ сѣнная куча.

Вдругъ Иванъ-Покати-Горохъ увидалъ, какъ сѣнная

куча катается, наѣхалъ, мечомъ махнулъ и заусыпилъ того, готовъ! И поѣхалъ домой. Видитъ, что дѣло не ладно, убилъ. Опять къ этой старушки въ ноги.

— Ахъ, бабушка, прости вины: невзначай убилъ твоего сына.

— Ахъ ты, дуракъ розбойникъ! ты отъ меня не уйдешь подь сѣрый камень.

— Ахъ, бабушка, прости меня грѣшного, невзначай его убилъ. Если бы зналъ, такъ не убилъ.

— Ну, дуракъ, бѣжи въ колодець, бери живой воды и мертвой, оживи.

— Бабушка, говорить, я колодца не знай у васъ, сведи меня къ колодцу.

Привела старуха къ колодцу; мѣдный ковшичекъ виситъ тутъ.

— Ну, черпай.

— Ахъ, бабушка, кабы знакомо дѣло, такъ черпалъ бы, а то не знаю, близко ли вода, далѣко ли,—незнакомо дѣло, какъ я могу? Тебѣ познакомъ, почерпни ко, бабушка, сама.

Старушка сичасъ наклонилась, а онъ ее въ колодець втѣпюрилъ; старуха тутъ и пропала, сдохла. Взялъ живой воды и мѣртвой, почерпнулъ самъ, пришолъ, оживилъ, братьевъ, и сестру взялъ, и поступали домой, вотъ и все.

Идутъ они близко ли, далеко ли, путешествуютъ, дошли до норы. Камень наваленъ на дыру большаханской.

— Это что, говорить, значить?

Сечасъ эту плиту отворотилъ, откинулъ. А подь плитой нора большая.

— Стой, братаны, этта есь что-нибудь, плита ненапрасно навалена.

Вотъ онъ и удумалъ:

— Воротимся назадъ обратно, набьемъ валовъ да сошьемъ ремни изъ кожъ изъ воловьихъ.

Воротились, нашили ремней изъ кожи, ну и потянули къ этой норе къ самой, притянули къ норе. Иванъ-Покати-Горохъ и привязался къ этимъ ремнямъ.

— Давай, братья, опускайте меня.

Братья опустили его туда. Онъ спустился и нашолъ тамъ одну дѣвушку; привязалъ ее и кричить:

— Братья, поднимайте.

Братья вытащили. Оказалась дѣвушка, и такая красавица, что братья дерутся ально, и тому надо взять, и другому надо взять.

— Братья, не спорьте! тамъ другая дѣвушка есь, ишшо краше ей.

Сичасъ ремни опять спустили къ ему. Вторую дѣвушку привязалъ онъ къ ремнямъ, и ту вытащили, и давай тоже спорить.

— Братья, не спорьте! совралъ онъ имъ, тамъ ешшо третья есь.

Братья опустили ремни. Иванъ-Покати-Горохъ привязался самъ; они подташшыли,—тяжело ташшыть, не можуть. Давай спустили, больше не поташшыли:

— Тяжело, говорятъ, ташшыть, видно, самъ сидить.

Пошли они домой, да и женились на этихъ дѣвушкахъ.

Идетъ Иванъ-Покати-Горохъ по-подгору путёмъ дорогою, и самъ не знать куды. Доходить до одной фатерки; заходить въ фатерку. Старичокъ въ фатерки одинъ. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, дѣдушку въ особину.

— Здравствуй, добрый человѣкъ! Далечо ли вы путь дѣржите?

— Да, дѣдушко, далечо! И самъ не знай, какимъ судьбамъ сюда попалъ!

— Вотъ слава тебѣ, Господи! старичекъ сказалъ ему, замѣна мнѣ пришла.

Напоилъ, накормилъ и спать повалилъ. Ночь Иванушко проспалъ. Поутру дѣдушко будить:

— Вставай, доброхотъ, завтракай, погони валовъ въ лѣсъ.

Вотъ тотъ позавтракалъ и погонилъ валовъ въ лѣсъ.

Дѣдушко ему наказывать:

— Во всемъ лѣси ходи, гдѣ тебѣ надоть, а въ заповѣдны луга тольки не ходи.

Тотъ отвѣтилъ:

— Хорошо, дѣдушко! да-й прямо въ заповѣдны луга и посадилъ, что тамъ будетъ.

Вдругъ вышелъ чудѣще о трѣхъ головищахъ.

— Ахъ ты, старой чортъ, мало того, что глаза выкопаны, а ты опять завёлъ сюда скотъ.

— Что ты, проклятой, говоритъ Вѣнющка чудищу, я вѣдь не слѣпой, у меня глаза оба есь.

Тотъ сказалъ:

— Выѣзжай со мной на поединокъ.

Вотъ Иванушко выхватилъ дубъ со всѣмъ кореньемъ, какъ махнулъ этимъ дубомъ, такъ сразу три головы снесъ у чудища. Головы забралъ и погонилъ скота домой. Вотъ и приходитъ домой со скотомъ. Дѣдушко выходитъ изъ фатеры; пощупалъ скота.

— Охъ, доброхотъ, какъ ты сыто скота кормишь! У меня и вѣкомъ экъ не бывало; экъ кормишь ихъ!

— Ахъ ты, дѣдушко, въ лѣси травы довольно, хоть сколько ѣшьте.

Пришолъ онъ въ фатерку.

— Я, дѣдушко, говоритъ три клуба береста надралъ.

— Бросай, дитятко, подъ кровать; намъ будетъ на вѣкъ лапоть дѣржать.

Ночь проспалъ опять. Поутру дѣдушко завтракъ зготовилъ ему и будить:

— Дитятко, ставай! время со скотомъ итти опять.

Иванушко скота выпустилъ и со скотомъ пошолъ опять.

— Доброхотъ, ты вездѣ ходи, запрещать дѣдко, ты всюду ходи, а только въ заповѣдны луга не ходи.

Прямо въ заповѣдны луга поташшылъ опять, запрещай дѣдко хоть сколько! Вдругъ выходитъ чудище о пяти головищахъ.

— Ахъ ты, слѣпой чортъ, у тебя мало того, что глаза выкопаны, а ты ишшо идешь.

— Что ты, чудище погано! У меня оба глаза есь.

— Ну, когда оба глаза есь, такъ съѣзжайся со мной на поединокъ.

Выхватилъ опять дубъ, — на поединокъ нать ѣхать, а у него нѣтъ никакого струмента, — и всѣ головы смахнулъ сразу. Эти головы опять подобралъ, скота собралъ и погонилъ домой. Пришолъ домой! Старикъ вышелъ опять изъ фатеры, скота пощупалъ.

— Экъ какъ ты скота кормишь! Я вѣкъ такъ не пасъ!

— Ахъ, дѣдушко, да въ лѣси травы, говорить, много. Вотъ зашли опять въ фатеру.

— Дѣдушко, я. опять пять клубовъ бересты принёсъ.

— А бросай, доброхотъ, подъ кровать: намъ на вѣкъ будетъ держать лапотъ.

Ночь проспали опять съ покоемъ. Поутру дѣдко ему завтракъ опять приготовилъ, бужаетъ:

— Доброхотъ, время вставать, завтракъ.

Позавтракалъ, пошолъ скота выпушшать. Выпустилъ скота; опять пошолъ со скотомъ, прямо идетъ въ заповѣдны луга. Вдругъ выходитъ чудище о шести головищахъ и скрычалъ:

— Ахъ ты, старой чортъ! У тебя мало того, что глаза выкопаны, а ты опять сюда зашолъ. Хоть братьевъ моихъ убилъ, а меня не убьешь.

— Что ты, чудище погано, у меня оба глаза есь.

— Когда оба глаза есь, дакъ съѣзжайся со мной на поединокъ.

Опять Ваня выхватилъ дубъ, приогромной, большой, больше тѣхъ, со всѣмъ кореньемъ,—на поединку нать ѣхать ужъ. Съѣхались на поединокъ.

Иванъ-Покати-Горохъ шесть головъ наразъ снёсъ, успокоилъ его; больше того нѣту. Скота собиралъ, головы забралъ и поступать опять домой.

Старикъ вышелъ изъ фатеры, пошшупалъ опять валовъ,—сыты ужъ больно.

— Экъ, доброхотъ, скота-то ты какъ кормишь, я вѣкъ такъ не видалъ.

Заходитъ опять въ фатерку.

— Дѣдушко, говорить, я шесть клубовъ бересты надралъ.

— Ой что ты, дитятко. а столько бересты надралъ, намъ вѣкъ не издержать.

Поужинали и спать. Ночь проспали, поутру встали.

— Ну, дѣдушко, говорить, сосчитай ты головы, много ли у тебя головъ лежитъ подъ кроватью. Я въ заповѣдны луга прямо ходилъ. Теперь никто тебя не будетъ беспокоить до смерти.

— А, доброхотъ, тебѣ скусьно этта стало?

Да, дѣдушко, какъ не скусьно, пикого у тебя этта нѣтъ.

— Дакъ ты и думаешь, какъ на Росію попась?

— Да, дѣдушко, думаю, какъ на Росію попасть.

— Дакъ вотъ, доброхотъ, я спрошу Жаръ-птицу, можетъ ли она тебя вынести; а нѣтъ, такъ не бывать тебѣ на Росіи, какъ не можетъ вынести.

Жаръ-птица прилетѣла.

— Ну что, вынесешь на Росію человѣка?

— А что, ись мнѣ будетъ, такъ вынесу, а не будетъ, такъ не вынести голодомъ.

Дѣдко убилъ вала и разрубилъ этого вала на всѣ на четыре части и привязалъ на Жаръ-птицу это мясо.

— Вотъ, доброхотъ, какъ она будетъ овертываться, ты ей четверть и сунь, она впередъ и полетитъ.

Вотъ онъ сѣлъ на птицу и полетѣлъ впередъ. Она свернулась, ись захотѣла. Онъ четвереть сунулъ. Она сѣла и опять впередъ полетѣла. И другой разъ овернулась, и другу четвереть сунулъ. Опять летитъ близко ли высоко ли, и въ третей разъ овернулась. Онъ и третью четвертушку сунулъ. Опять и летитъ впередъ, и четвертый разъ опять овернулась. Последнюю четверть сунулъ, больше и нѣту. И всѣ не долетѣли ишше до Росіи, — она опять и разъ овернется, и другой овернется. Ему и дать нечего, — она стала изъ выти выходить, полетѣла тише и тише. Онъ взялъ, икры вырѣзалъ изъ ногъ изъ своихъ. Она разъ овернется, онъ ей сунетъ, и другой разъ овернется, онъ ей сунетъ икру, и вывезла его на Росію и сама пала мѣртовой. А у его въ скляночкахъ была припасена вода жива и мѣртва. Онъ ей брызнулъ, она дрыгнула. Во второй разъ брызнулъ, — она и крыльемъ взмахнула. Вотъ она харкнула, икру одну выпустила въ цѣлості, икра выпала. И другой разъ харкнула, и друга икра выпала. Икры къ собѣ приложилъ, брызнулъ живой водой и мѣртовой, да-й икры пристали.

Ну и простились съ Жаръ-птицей, поблагодарилъ ей, что вынесла на Росію, и пошолъ домой. Приходитъ домой.

Братья жонаты оба, — на тѣхъ дѣвушкахъ женились, и сестрица взамужъ выдана. Родитель его, конечно, оstarѣлъ

и мать тоже. Навѣсту высватали за его въ другой губернии,—такъ и его женили. Свадьба прошла; его и царемъ отецъ поставилъ на мѣсто себя. И стали они жить да поживать да добра наживать да лиха избѣгать.

Вотъ и сказка вся, больше врать нельзя.

Онежскій у., Шелековский приходъ Савинской вол.!

Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Федорейко“), 1912 годъ.

12. 0 томъ, какъ солдатъ снималъ портретъ съ королевы.

Одинъ царь былъ тоже, видите ли, и началъ выкликать, кто бы сходилъ за тридцать морей, за тридцать земель, въ тридцать царство, въ тридцать государство.

— Я бы, говоритъ, нагрузилъ три судна: судно съ золотомъ, судно съ серебромъ и судно съ мѣдью. Натъ тамъ посмотрѣть: у одного тамъ короля есь красавица хозяйка, портретъ бы съ ней снять, а она всё въ маски ходить.

А никто не выискивается, нѣтъ охотниковъ. Два генерала у него сидѣли при той бесѣдѣ. Идутъ домой и разговариваютъ:

— Вотъ, говорятъ, затѣйникъ какой! три судна натъ нагрузить серебромъ да золотомъ да мѣдью, а всего достать одинъ портретику.

Одинъ салдатику на часахъ стоялъ, этотъ разговоръ и слышитъ.

— Охъ вы, чудаки! да эка мѣсто-то не беретесь! Я сходилъ бы, говоритъ.

Эти генералы ночь проспали, поутру встали и къ царю пошли и сказали:

— Тамъ одинъ салдатику насъ окухнѣлъ и берется съѣздить.

— Но, давай! приведите салдата.

Потребовалъ царь салдата.

— Что, ты можешь сходить?

— Могу, Ваше Царско Величество.

— Вотъ и карабли тебѣ нагружены, ступай съ Богомъ.